Савинов Л.В., Дорожинская Е.А., Сигарев А.В. ♦

Экспертиза спорных информационных (экстремистских) материалов: методологические и правовые проблемы

Аннотация: Статья посвящена анализу совокупности методологических и правовых проблем исследования и экспертизы спорных информационных (экстремистских) материалов. Авторы отмечают актуальность указанной проблематики в условиях современной России и нарастание экстремистских проявлений в коммуникативном пространстве. Особое внимание уделено зарубежному и отечественному опыту исследования и экспертизы экстремистских материалов.

В статье рассмотрены правовые и теоретико-методологические аспекты, связанные с проведением указанных исследований и экспертиз, в контексте: определения правовых средств противодействия экстремизму; общих проблем правового характера при организации и проведении исследования и экспертизы экстремистских материалов; гражданско-правовых последствий, связанных с результатами указанных экспертиз; юридической значимости результатов таких исследований; правоприменительной практики правоохранительных органов и судов.

В качестве основных проблем при проведении исследования и экспертизы спорных информационных материалов выделены проблемы юридического определения экстремизма и самих экстремистских материалов, организационно-правовые аспекты процедуры проведения и судебной оценки экспертизы экстремистских материалов. Серьезной проблемой остаются, по мнению авторов, вопросы, связанные с последствиями гражданско-правового характера признания информационных материалов экстремистскими. В заключение авторы работы предлагают конкретные рекомендации по совершенствованию методологии и методики экспертизы экстремистских материалов в совокупности с правовым обеспечением ее проведения.

♦ **Савинов Леонид Вячеславович** - доктор политических наук, доцент, декан факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления - филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: savi2001@mail.ru.

Дорожинская Елена Анатольевна - кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Сибирского института управления - филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: sofia_1974@mail.ru.

Сигарев Андрей Васильевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Сибирского института управления - филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: ne203@mail.ru.

Отмечено, что экспертиза экстремистских материалов должна быть системной и включать не только лингвистическое исследование и психологическую оценку таких материалов, но и анализ социальных (в том числе политических) смыслов и контекстов, а также их юридическую оценку. Только в этом случае выявляются мотивы создания и социально значимые коммуникативные цели экстремистских материалов. В аспекте указанного подхода, по мнению авторов, экспертиза экстремистских материалов должна быть обращена на выявление общей смысловой направленности информационных материалов.

Ключевые слова: экстремизм; экстремистская деятельность; экстремистские материалы; спорные информационные материалы; экспертиза.

В условиях современного общества проблема экстремизма приобрела особую актуальность, в том числе в публичной сфере коммуникативных отношений. Одним из эффективных методов противодействия такому экстремизму является правоохранительная деятельность, направленная на выявление и исключение из информационной среды экстремистских материалов. В связи с этим анализ работы правоохранительных органов, прокуратуры и судов общей юрисдикции по противодействию экстремистской деятельности обозначил правовые и методологические проблемы исследования и экспертизы экстремистских информационных источников. Проблема актуальна также в силу того, что широкое публичное распространение пропагандистских и агитационных материалов, провоцирующих социальную напряженность, агрессию и насилие, требует оперативной и адекватной реакции со стороны не только общества, но и прежде всего государства с его властными институтами.

В связи с вышесказанным в представленной статье речь идет не столько о методических проблемах прикладных исследований, сколько о методико-юридических основах и правовых последствиях экспертной оценки спорных информационных материалов, которые могут быть признаны экстремистскими и внесены в федеральный список экстремистских материалов [40].

Указанная проблематика в рамках российского права и вообще отечественной обществоведческой и гуманитарной науки исследована слабо. Причем общепризнанных методик исследования экстремистских материалов экспертным и научным сообществом до сих пор не разработано [6; 12; 13; 28; 34; 42; 43]. При этом зарубежные исследователи активно делятся опытом выявления и оценки экстремистских материалов, в том числе в сети Интернет [47; 61]. Вместе с тем, бóльшая часть зарубежных работ в исследуемой нами

области охватывает более широкую тематику - самого экстремизма как противоправного и социально опасного деяния [48; 51; 55-57].

На сегодняшний день исследования проблематики экспертизы экстремистских материалов необходимо рассматривать в рамках пяти основных направлений:

– формирование методологии и методики исследования и экспертизы спорных информационных материалов [3; 4; 15; 25; 30; 33];

– определение процедуры назначения и проведения исследования и экспертизы спорных информационных материалов [1; 22];

– оценка экспертизы спорных информационных материалов как механизм противодействия экстремистской деятельности [32];

– исследование массива практики правоохранительных органов, прокуратуры и судов [5; 16; 31; 41];

– определение состояния правового обеспечения экспертизы экстремистских материалов [23; 29].

На взгляд авторов данной статьи, именно проблематика правового сопровождения и правовых последствий, а также методического обеспечения экспертизы экстремистских материалов является наиболее сложной.

Итак, экспертиза экстремистских материалов - это важное звено в системе правовых средств противодействия экстремизму. Заключение эксперта по делам о преступлениях и правонарушениях экстремистской направленности выступает достаточно значимым, а в некоторых случаях - решающим доказательством, поэтому от качества проведенной экспертизы зависит эффективность правоприменительной деятельности по такой категории дел. К настоящему времени накоплена достаточно богатая практика проведения экспертиз экстремистских материалов, анализ которой позволяет говорить как об определенных успехах и достижениях, так и о выявленных проблемах. Эти проблемы особенно ярко проявляются в ситуациях, когда экспертные заключения, противоречащие не только научной логике, но и просто здравому смыслу, становятся достоянием гласности и получают широкий общественный резонанс [44]. Заслуживает особого внимания сложившаяся на протяжении последнего десятилетия зарубежная практика анализа экстремистских материалов, опубликованных в СМИ (в частности, в связи с известными мировыми военными конфликтами) [58].

Множество правовых проблем, связанных с проведением экспертизы экстремистских материалов, можно условно разделить на четыре группы.

Первая группа - это организационно-правовые проблемы, связанные с порядком назначения экспертизы, подбором экспертов, формулировкой

вопросов. В частности, сюда можно отнести следующие довольно распространенные ситуации:

– неверный подбор экспертов (в частности, привлечение в качестве экспертов лиц, имеющих лишь косвенное отношение к тематике исследуемого материала);

– неверная постановка вопросов перед экспертом (в том числе некорректность вопросов о правовой оценке текста);

– неверное разъяснение эксперту смысла и последствий выполняемой им работы (формирование у эксперта ложного представления о том, что он должен просто «высказать свое мнение», а не провести научное исследование);

– некорректное распределение обязанностей между несколькими экспертами при проведении комплексной экспертизы, в результате чего эксперты вторгаются в предметную область друг друга, а результат формулируется бессистемно, без определения общих выводов;

– отсутствие или слабость научного инструментария в исследовании, подмена конкретных выводов общими рассуждениями и субъективными оценками.

Перечисленные проблемы являются следствием очевидных нарушений правил назначения и проведения судебной экспертизы, которые установлены Уголовно-процессуальным кодексом РФ [39], Гражданским процессуальным кодексом РФ [8] и Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (далее - Закон № 73-ФЗ) [19].

В соответствии со ст. 8 Закона № 73-ФЗ эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных. При этом в соответствии со ст. 23 упомянутого закона при производстве комиссионной судебной экспертизы экспертами разных специальностей (комплексной экспертизы) каждый из них проводит исследования в пределах своих специальных знаний, и в заключении указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11 при назначении судебных экспертиз

по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда [20]. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды.

Вторая группа проблем связана с использованием экспертного заключения в судебном процессе. Экспертное заключение - это одно из доказательств, на основе которого суд принимает решение, но его значение не следует абсолютизировать. Эксперт отвечает на поставленные вопросы лишь в рамках своей научной специальности, тогда как комплексная юридическая оценка материала относится к исключительной компетенции суда. При этом наличие экспертного заключения не избавляет суд от необходимости непосредственного ознакомления с исследуемым информационным материалом. Важно, чтобы суд выслушал мнения других за интересованных лиц, изучил цели и мотивы авторов и распространителей данного материала, проанализировал возможные социальные последствия его распространения, т.е. рассмотрел вопрос в более широком контексте.

Суть проблемы хорошо показана А.Р. Султановым на примере дела о признании экстремистским материалом смыслового перевода Корана на русский язык [36]. В сентябре 2013 г. Октябрьский районный суд г. Новороссийска признал русскоязычный текст Корана экстремистским материалом, а также принял решение об уничтожении данной книги. Суд рассмотрел заявление прокурора о признании экстремистским указанного издания без привлечения к участию в деле автора перевода и издателя. Дело было рассмотрено в особом производстве, которое предназначено для рассмотрения бесспорных дел, когда нет сторон с противоположными интересами. Из карточки дела на сайте суда следует, что подготовка дела (собеседование) была проведена 17 сентября 2013 г. в 10:00. Через пять минут было вынесено определение о назначении дела к судебному разбирательству, а еще через пять минут - в 10:10 - судебное заседание окончено удовлетворением требований прокурора. В данном случае экспертное заключение стало основным и единственным доказательством. В докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2013 г. это решение названо «беспрецедентным по своему невежеству и возможным последствиям».

Вышестоящая судебная инстанция своим решением от 17 декабря 2013 г. отменила упомянутое решение Октябрьского районного суда г. Новороссийска. Множество других примеров формального использования экспертных

заключений в судебных процессах о признании информационных материалов экстремистскими описано в ежегодных докладах о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ, а также в материалах правозащитных организаций [11; 43, с. 42–45].

Третья группа проблем имеет более глубокий характер и связана с определением экстремизма, которое закреплено в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (далее - Закон № 114-ФЗ) [21]. О несовершенстве и размытости данного определения много сказано и написано в научной литературе. Рассмотрим лишь некоторые трудности, возникающие на практике при исследовании экстремистских материалов и квалификации экстремистских правонарушений.

Во-первых, камнем преткновения является использованная в ст. 1 данного закона формулировка «социальная принадлежность» и формулировка ст. 282 УК РФ «принадлежность к социальной группе» [43, с. 43-45]. В частности, до настоящего времени открытым и дискуссионным является вопрос о том, можно ли считать социальной группой руководителей государства, чиновников, депутатов, сотрудников полиции - лиц, деятельность которых чаще всего подвергается критике, порой очень жесткой и не всегда объективной [46; 53]. К сожалению, вопрос о том, кого можно считать социальной группой, остался не раскрытым в упомянутом ранее постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11 [20]. Во-вторых, большие проблемы возникают с оценкой изданий различных религиозных организаций, в которых говорится об исключительной истинности того или иного вероучения и, соответственно, ложности других религий. Здесь нужно учитывать то, что психология религиозного человека имеет ряд выраженных особенностей [59]. Религиозное сознание в известном смысле изначально интолерантно, поскольку основано на противопоставлении крайностей - добра и зла, добродетели и греха, совершенства и несовершенства, истины и заблуждения. Большинство мировых религий предполагает абсолютную и безусловную веру в исключительность, истинность, уникальность исповедуемого учения. Религиозное сознание исключает релятивизм в мировоззренческих вопросах. Как справедливо утверждает С.Е. Пролетенкова, «идеологические предпосылки религиозного экстремизма в рамках различных конфессий существуют практически с самого начала появления соответствующих религий» [27, с. 38].

В религиозной литературе, как в древних источниках, так и в современных произведениях, встречаются высказывания, которые можно было бы трактовать как экстремистские, — о превосходстве последователей данной религии перед неверующими, о неполноценности неверующих, о грядущем наказании для

них. Можно встретить и прямые призывы к насилию в отношении «неверных». Но такие высказывания не следует трактовать поверхностно и прямолинейно. Зачастую они лежат не в плоскости взаимоотношений последователей одной религии с окружающими людьми, а в плоскости отношений верующего с самим собой. Религиозная литература основана на символизме, аллегориях, метафорах и гиперболах. Призыв бороться с «неверными» может трактоваться как призыв к духовной борьбе человека с «неверным» в себе, со своими пороками и слабостями. Эти особенности должны учитываться судом.

Кроме того, не только российскими, но и зарубежными исследователями давно обращается внимание на значимость психологических методов воздействия на человека с целью вовлечения его в сферу экстремистской идеологии [45].

В-третьих, сложности с юридической оценкой информационного материала возникают в случаях, когда в нем содержится жесткая критика каких-либо политических деятелей. С одной стороны, Закон № 114-ФЗ в ст. 1 относит к проявлениям экстремизма «публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением» [21]. С другой стороны, критика, в том числе жесткая, - это неотъемлемый атрибут политической жизни. Поэтому выявленные экспертом в том или ином информационном материале негативные оценки политического деятеля сами по себе не позволяют признавать его экстремистским.

В данном случае необходимо учитывать положения Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой 12 февраля 2004 г. на заседании Комитета министров Совета Европы [9], и основанную на ней практику Европейского суда по правам человека. Согласно декларации, политические деятели решили заручиться общественным доверием и соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии, а значит, общество может осуществлять за ними строгий контроль и энергично, жестко критиковать в средствах массовой информации то, как они выполняли или выполняют свои обязанности. Государственные должностные лица должны согласиться стать объектом общественного контроля и критики в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий [49; 52]. Критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на

унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц [50; 60].

Четвертая группа проблем связана с последующей судьбой информационных материалов, признанных судом экстремистскими. В соответствии со ст. 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» все экстремистские материалы заносятся в единый федеральный список, который размещается в сети Интернет на официальном сайте Министерства юстиции РФ.

Сама идея ведения и опубликования такого списка достаточно разумна. Список выполняет пресекательную функцию, не допуская дальнейшего тиражирования общественно опасных материалов. Массовое распространение экстремистских материалов влечет ответственность по ст. 20.29 Кодекса РФ об административных правонарушениях [14]. Тем не менее, практическая польза от существования такого списка вызывает все большее сомнение.

Значительную долю федерального списка экстремистских материалов составляют материалы, явно не рассчитанные на массовое распространение, например файлы с частных компьютеров. Включение их в общероссийский федеральный список не несет никакой пользы, наоборот, список лишь увеличивается в объеме, загромождается и становится все менее пригодным для использования. В федеральном списке экстремистских материалов немало примеров того, как описание этих материалов не позволяет их идентифицировать с целью пресечения дальнейшего распространения (название файла, цвет и серийный номер компакт-диска и т.п.).

Суть проблемы видится в некорректности законодательного определения экстремистских материалов. В ч. 3 ст. 1 Закона № 114-ФЗ дается определение экстремистских материалов - «предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях…». Под данное определение подходит и файл на компакт-диске, и комментарий на интернет- форуме, и даже надпись на стене или заборе. Таких мелких проявлений экстремизма в масштабах всей страны — огромное количество. Борьба с ними, безусловно, должна вестись, но составление федерального списка всех подобных материалов не является адекватным правовым инструментом такой борьбы.

Решение этой проблемы видится в следующем. Вместо излишне широкого понятия «экстремистские материалы» следует использовать более конкретный термин — «экстремистские публикации». Под публикацией в данном случае понимается опубликованное произведение, имеющее название, автора, выходные данные, т.е. те признаки, по которым принято идентифицировать публикации. Именно в отношении таких произведений имеется опасность их

массового распространения по библиотекам, магазинам, сети Интернет. Список экстремистских публикаций был бы намного более компактным, чем список экстремистских материалов, но при этом намного более полезным для противодействия экстремизму.

Другая группа правовых проблем, связанных с экспертизой спорных информационных материалов, определяется последствиями гражданско-правового характера признания их экстремистскими [54]. К примеру, по вполне обоснованному мнению И.Л. Трунова и Л.К. Айвара, «в результате экстремистской деятельности, а зачастую и мерами, направленными на противодействие экстремизму, гражданам причиняется существенный моральный вред и материальный ущерб… материальный ущерб, вред деловой репутации и доброму имени может быть причинен и юридическим лицам» [38].

Так как ст. 13 Закона № 114-ФЗ, непосредственно регулирующая ответственность за распространение экстремистских материалов, не содержит четкого указания на применяемые виды ответственности, в данном случае можно воспользоваться общей нормой ст. 15, закрепляющей уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность [21]. Но если по поводу складывающейся (и безусловно преобладающей!) практики привлечения к уголовной и административной ответственности вопросов не возникает, то в отношении применения гражданско-правовой ответственности сформировалось несколько нюансов, и особенно актуальным является рассмотрение ситуации именно применительно к проводимой экспертизе экстремистских материалов.

Например, в ходе проведения экспертизы исследуются информационные материалы, которые, по верному замечанию А.Р. Султанова, «не вещь, которая существует сама по себе, это всегда результат чьего-то действия, у них всегда есть автор» [37]. Соответственно, рассмотрение вопроса переходит в плоскость права интеллектуальной собственности, и вполне правомерно обратить внимание на правовые последствия для автора материалов в результате признания их экстремистскими.

На практике же речь в основном идет о мерах, связанных не с авторством, а с владением, пользованием и распоряжением материальными носителями результата интеллектуальной деятельности путем их производства, хранения или распространения. При этом одна из применяемых мер ответственности (конфискация) рассчитана на исключение возможности продолжения правонарушения через изъятие имущества.

Конфискация, конечно, регулируется ст. 243 ГК РФ [7], но цель ее применения в качестве формы принудительного изъятия имущества не является в чистом виде гражданско-правовой, так как носит карательный, а не

компенсационный характер (что отражено в ст. 20.29 КоАП РФ [14]). Хотя проблемы практики в сфере применения конфискации в делах о распространении экстремистских материалов также имеют место [26].

Можно утверждать, что в сфере регулирования распространения экстремистских материалов практически не применяется институт гражданско-правовой ответственности за причиненный вред, хотя для этого часто имеются условия и правовые основания.

Применение гражданско-правовой ответственности в связи с распространением материалов, оцененных как экстремистские, фактически возможно в следующих ситуациях:

– в случаях публикаций материалов экстремистского характера, причиняющих нравственные (а в зависимости от особенностей лица и физические) страдания гражданам;

– в случаях публикаций материалов экстремистского характера, содержательно касающихся прав и интересов должностного лица, в результате которых затронуты не только его честь и достоинство, но и деловая репутация (в частности, при «публичном заведомо ложном обвинении лица, замещающего государственную должность РФ или субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей противоправных деяний», согласно ст. 1 Закона № 114-ФЗ);

– в случаях публикаций материалов экстремистского характера, содержательно затрагивающих права и интересы юридических лиц (например, общественных и религиозных организаций, средств массовой информации и др.), в результате которых умаляется их деловая репутация;

– в случае неправомерного привлечения лиц к уголовной и административной ответственности за распространение материалов экстремистской направленности (причиной может быть в том числе некачественно проведенная экспертиза).

В перечисленных обстоятельствах, помимо публично-правовой ответственности, возможно истребование компенсации морального вреда, а в последнем случае речь может идти также о возмещении причиненных убытков.

Особо интересно в данном ключе уточнить, что при привлечении к ответственности средств массовой информации за распространение экстремистских материалов и осуществление экстремистской деятельности «деятельность соответствующего средства массовой информации может быть прекращена по решению суда» [21], при этом данное последствие выступает в качестве санкции.

Положение п. 2 ст. 61 ГК РФ, согласно которому юридическое лицо может быть ликвидировано по решению суда, в свое время являлось предметом

рассмотрения Конституционного Суда РФ, который постановлением от 18 июля 2003 г. № 14-П признал данное положение не противоречащим Конституции РФ. Предусмотренная данным пунктом санкция - ликвидация юридического лица - должна применяться в соответствии с общеправовыми принципами юридической ответственности и быть соразмерной допущенным юридическим лицом нарушениям и вызванным ими последствиям [24]. Примечательно, что данное постановление было принято именно по запросу средств массовой информации.

Стоит отметить, что сложившаяся судебная практика демонстрирует принятие судами вполне обоснованных и правомерных решений относительно прекращения деятельности нарушителей - юридических лиц (в том числе и на основе проведенной экспертизы) (определение Верховного Суда РФ от 27 июня 2014 г. № 5-АПГ14-6; определение Верховного Суда РФ от 7 июня 2011 г. № 5-Г11-104; определение Верховного Суда РФ от 8 декабря 2009 г. № 41-Г09-29).

При глубоком анализе законодательства становится ясно, что в случае некачественной экспертизы распространяемых материалов, по- влекшей неправомерное возложение ответственности, средство массовой информации, выступая субъектом предпринимательской деятельности, может понести убытки не только в результате прекращения деятельности, но даже по причине приостановления реализации своей продукции либо изъятия из оборота нереализованной части тиража продукции СМИ, якобы содержащей материал экстремистской направленности. Безусловно, здесь речь идет уже о причинении реального ущерба (определение Верховного Суда РФ от 12 сентября 2006 г. по делу № 51-Г06-21; постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 26 февраля 2008 г. № Ф04-1152/2008(1005-А45-6) по делу № А45-6577/07-36/170), хотя случаи его взыскания найти в российской практике весьма сложно, ибо организации должны самостоятельно предъявлять иски с требованием о возмещении причиненного вреда и о защите деловой репутации со всеми вытекающими последствиями.

В Законе № 114-ФЗ отсутствует всякое упоминание о механизме возмещения вреда (в том числе о способе и порядке определения его размера и т.д.), что является явной недоработкой. Косвенно данный институт ответственности регламентируется ст. 1069 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами», согласно которой вред возмещается за счет соответствующей казны [7]. К сожалению, судебной практики по данным ситуациям обнаружить не удалось.

Интересные прецеденты чаще возникают в ситуациях применения гражданско-правовой ответственности за причиненный моральный вред.

Применительно к последствиям проведения экспертизы экстремистских материалов данный вопрос обозначен достаточно остро.

Одна из проблем состоит в том, что до сих пор отсутствует четкая регламентация проведения экспертизы экстремистских материалов, поэтому некачественно проведенная оценка может повлечь за собой безосновательное привлечение лиц к ответственности (по сути, судебную ошибку). Очевидно, что подобные последствия не только неблагоприятно отразятся на имущественном положении ответчика, но и повлекут умаление его чести и достоинства, а также ущерб деловой репутации (в зависимости от статуса лица).

Несмотря на то, что существует и применяется ряд методик исследования информационных материалов на предмет наличия или отсутствия в них признаков экстремизма, еще в 2010 г. в деле № 2-971/10г Октябрьского районного суда г. Саратова о признании незаконным бездействия в виде непринятия мер, направленных на выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности, суд указал на то, что «законодательно методика проведения проверок государственным надзорным органом в сфере массовых коммуникаций в отношении СМИ на предмет выявления признаков экстремизма в публикациях не урегулирована» [10]. И по сегодняшний день экспертное сообщество сходится во мнении о том, что «выработать некую единую методику в этой области невозможно» [2].

Одной из причин невозможности разработки и утверждения единой методики экспертизы служит тот факт, что в постоянно меняющемся законодательстве отсутствуют легальные определения понятий и категорий, являющихся характеристиками экстремистских материалов, например «пропаганда», «публичный призыв», «ненависть» и т.д. И хотя Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 разъяснил, каким образом надо толковать подобные нормы закона [20], все равно существует влияние подобного дефекта законодательства на качество оценки материала, могущей привести к неправомерному привлечению к ответственности.

Вторая проблема применения механизма привлечения к гражданско-правовой ответственности в связи с применением экспертизы экстремистских материалов заключается в особенностях оценки судами оснований для компенсации морального вреда.

Речь идет о том, что, как известно, согласно ст. 151 ГК РФ, под моральным вредом понимаются физические и нравственные страдания, и он в силу своей нематериальной природы подлежит не возмещению, а компенсации в денежном эквиваленте [7]. Но доказать причинно-следственную связь между действиями (бездействием), связанными с незаконным распространением и т.д.

экстремистских материалов, и возникновением морального вреда, а также сам факт причинения данного вреда не под силу даже особо активным гражданам.

Например, 26 июля 2013 г. Центральный районный суд г. Омска отказал общественному активисту Виктору Корба в защите чести и достоинства. Ответчиками по делу были названы УМВД и УФСБ РФ по Омской области и прокуратура г. Омска, а поводом стали инициированные против Виктора Корба административные дела о перерастании собрания в митинг, об экстремистских материалах и о распространении экстремистских материалов.

В частности, по заявлению прокурора в конце 2012 г. в результате проведенной экспертизы были признаны экстремистскими все материалы газеты «Радикальная политика» за сентябрь 2011 г., содержащей перепечатки из других газет, в том числе статью В. Корба, которому удалось добиться отмены этого решения и направления дела на новое рассмотрение, в результате чего прокуратура исключила указанную статью из материалов, признанных экстремистскими. Также судом было признано незаконным предупреждение о недопустимости распространения экстремистских материалов, вынесенное полицией по инициативе УФСБ РФ. Кроме того, на заседании суда было установлено, что имело место привлечение лжесвидетелей, а также фальсификация рапортов и пояснений. При всех перечисленных обстоятельствах суд решил, что фабрикация дела против Виктора Корба не является основанием для компенсации морального вреда, и отказал в иске [17].

Как видно, даже при вполне очевидных основаниях добиться компенсации морального вреда не удалось, хотя в описанном деле налицо несоблюдение судом требований, установленных в ст. 1100 ГК РФ [7].

Тот же результат был получен гражданином Л.Н. Фейтлихером, обратившимся в 2010 г. в Октябрьский районный суд г. Саратова с иском к нескольким органам прокуратуры Саратовской области, к руководителю Роскомнадзора по Саратовской области и иным органам и лицам о признании их бездействия незаконным, о возложении на них обязанностей по принятию мер, направленных на выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности, проведению проверок (в том числе и экспертиз экстремистских материалов), а также о взыскании компенсации морального вреда.

Моральный вред, по мнению истца, был причинен ему тем, что «незаконным бездействием ответчиков были нарушены его конституционные права, в частности право на национальное достоинство, созданы препятствия для защиты и реализации его прав... в течение нескольких лет… публикации были направлены на создание его негативного образа как представителя еврейской национальности» и т.д. [10].

Заявителю в иске также было отказано, поскольку, по утверждению суда, его ссылки на непринятие прокуратурой области мер, направленных на выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности, на непроведение систематических проверок исполнения требований законодательства о противодействии экстремистской деятельности в отношении указанных в иске средств массовой информации и интернет-ресурсов носят бездоказательный характер и фактически не направлены на защиту его личного неимущественного права (по словам истца, права на национальное достоинство).

Бросается в глаза тот факт, что подобные иски возникают по причине проявления гражданами активной жизненной позиции, связанной не столько с личной защитой, сколько с защитой общегражданских, национальных и иных интересов [35]. Гражданско-правовой механизм компенсации морального вреда избирается истцами скорее как вспомогательный способ усиления значимости собственных требований.

При этом возникает автономный по отношению к государственному реагированию гражданский механизм «антиэкстремистской» деятельности, когда на распространение подобных материалов своевременно реагируют и требуют проведения экспертизы отнюдь не уполномоченные органы и организации, а граждане. Хотя, безусловно, при этом наблюдается сочетание общественного и личного интереса (как в случае иска Л.Н. Фейтлихера), что не умаляет ценности таких инициатив.

Итак, проведенный анализ позволяет прийти к выводу о существенных недостатках в теоретико-методологическом и эмпирико-исследовательском содержании правовой оценки экспертизы экстремистских материалов и гражданско-правовых последствий, вызванных ее результатами. Во многом эти проблемы связаны с недостаточной разработанностью методологии и методик исследования и экспертизы спорных информационных материалов.

Вместе с тем правоприменительная деятельность специальных органов по борьбе с экстремизмом сегодня сталкивается со сложностью формирования экспертных оценок экстремистских материалов. Эти проблемы во многом объективны и связаны с недостаточным уровнем специальной подготовки многих экспертов или неадекватным назначением в качестве экспертов лиц, не владеющих познаниями в требуемой области науки, методологии, методикой и процедурой проведения таких экспертиз. Кроме того, как уже было отмечено, существует группа проблем, связанных со сложностью проведения подобных исследований, недостаточной разработанностью самих методик, необходимостью производства комплексных экспертиз экстремистских материалов.

По мнению авторов этой статьи, экспертиза экстремистских материалов должна быть системной и включать не только лингвистическое исследование и психологическую оценку, но и анализ социальных (в том числе политических) смыслов и контекстов. В этом случае выявляются мотивы их создания и социально значимые коммуникативные цели. В комплексе данных подходов экспертиза экстремистских материалов должна быть обращена на выявление общей смысловой направленности информационных материалов.

Можно особо отметить, что принципиальное значение в области специальной подготовки экспертов имеют предложения о том, что в системе Министерства юстиции или Министерства внутренних дел РФ должны быть специализированные подразделения, проводящие комплексные экспертизы и научные консультации. При этом могут быть достигнуты следующие цели:

– унификация алгоритмов и критериев анализа и оценки информационных материалов. При реализации этой цели можно свести к минимуму дилетантизм и «вкусовщину» в оценках и суждениях специалистов; экспертные заключения станут отвечать требованиям научной обоснованности, достоверности и верифицируемости данных;

– системное обучение и лицензирование специалистов, проводящих экспертные исследования. В результате этих мероприятий произойдет отсев некомпетентных лиц, снимутся претензии к экспертам в недееспособности и субъективности выводов. Необходимы объективные квалификационные требования к экспертам;

– повышение ответственности экспертов и формирование института репутации специалистов, проводящих исследования экстремистских материалов.

Решению многих проблем в сфере экспертизы экстремистских материалов способствовала бы открытость их результатов (к примеру, сопровождение федерального списка экстремистских материалов экспертными заключениями) и введение практики научной рецензии на экспертные заключения.

Библиография

1. Алпеева М.А. Отдельные вопросы назначения экспертизы экстремистских материалов, задержанных при пересечении таможенной границы // Таможенное дело. 2013. № 2. С. 19–22.

2. В России появится база экстремистских материалов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.garant.ru/ news/534719/#ixzz3DgE3svO1.

3. Волков В.В. Ксенофобия как интенциональная основа вражды в судебной лингвистической экспертизе: (лингвогерменевтика феномена) / В.В. Волков // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 19. С. 115-124.

4. Ворошилова М.Б. Отрывок про скинхеда: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы / М.Б. Ворошилова, К.В. Злоказов, А.А. Карапетян // Политическая лингвистика. 2013. № 1. С. 181-190.

5. Галахов С.С. К вопросу о субъектах противодействия экстремистской деятельности и их функциях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3 (17). С. 11-18.

6. Галяшина Е.И. Лингвистика vs. экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам/ под ред. М.В. Горбаневского. М.: Юрид. мир, 2006. 96 с.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 5 мая 2014 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сент. 2014 г.) // Российская газета. 1994. 8 дек.

8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 23 июня 2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

9. Декларация о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации [Электронный ресурс]: принята 12 февр. 2004 г. на 872-м заседании Ком. министров на уровне постоян. представителей. — Режим доступа: http://www. coe.int/t/dghl/standardsetting/media/russian.pdf.

10. Дело № 2-971/10г Октябрьского районного суда г. Саратова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https:// rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-saratova-saratovskaya-oblast-s/act-101010553.

11. Доклады о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ombudsmanrf.org/doklady.

12. Исследование и экспертиза экстремистских материалов / под науч. ред. Л.В. Савинова. 2-е изд., доп. и перераб. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2011. 357 с.

13. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста?: памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, дознавателей и экспертов / под ред. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. мир, 2006. 215 с.

14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 6 авг. 2014 г.) // Российская газета. 2001. 31 дек.

15. Кроз М.В. Психолингвистическая экспертиза смысловой направленности экстремистских материалов / М.В. Кроз, Н.А. Ратинова // Вести

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 2. С. 18–22.

16. Лесникова П.Г. Об итогах зонального семинара «Актуальные вопросы производства судебных экспертиз по материалам экстремистской направленности», проведенного в г. Саранске, Республика Мордовия, на базе ФБУ Мордовская ЛСЭ Минюста России 18–20 сентября 2013 года / П.Г. Лесникова // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 2 (34). С. 126–128.

17. Микитик С. В Омске суд решил, что фабрикация дела не причиняет моральный вред [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://67.218.116.68/material.php?id=51F27A1CBFD96&section_id=452B963D6A402&subject_id=178.

18. Неправомерный антиэкстремизм [Электронный ресурс] / Информ.-аналит. центр СОВА. — Режим доступа: http://www.sova-center.ru/misuse.

19. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 25 нояб. 2013 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

20. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Российская газета. 2011. 4 июля.

21. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Российская газета. 2002. 30 июля.

22. О разработке типовых вопросов судебной лингвистической экспертизы экстремистских материалов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2013. № 9. С. 204-213.

23. Оленников С.М. Комментарий к судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности / С.М. Оленников // Российский ежегодник уголовного права. 2012. № 6. С. 597–614.

24. По делу о проверке конституционности положений статьи 35 Федерального закона «Об акционерных обществах», статей 61 и 99 Гражданского кодекса РФ, статьи 31 Налогового кодекса РФ и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами гражданина А.Б. Борисова, ЗАО «Медиа-Мост» и ЗАО «Московская Независимая Вещательная Корпорация»: постановление Конституц. Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 14-П // Российская газета. 2003. 29 июля.

25. Подкатилина М.Л. К вопросу о лингвистической экспертизе экстремистских материалов // Эксперт-криминалист. 2010. № 4. С. 28–30.

26. Постановление Тверского областного суда от 18 окт. 2011 г. (дело № 4-а-321) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.jw-russia.org/news/tver/courtdoc20111018_u.pdf.

27. Пролетенкова С.Е. Общие методологические подходы к исследованию факторного комплекса религиозного экстремизма // Российский следователь. — 2013. № 4. С. 37-39.

28. Ратинов А.Р. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: Психолого-правовая характеристика / А.Р. Ратинов, М.В. Кроз, Н.А. Ратинова; под ред. А.Р. Ратинова. М.: Юрлитинформ, 2005. 250 с.

29. Ратинова Н.А. О противодействии экстремизму негодными средствами: правовой, психологический и этический аспекты / Н.А. Ратинова, М.В. Кроз // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 1 (29). С. 35–42.

30. Сальников Е.В. Методологические принципы проведения лингвистической экспертизы экстремистских материалов / Е.В. Сальников // Судебная экспертиза. 2006. № 1. С. 18–24.

31. Саморока В.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при возбуждении уголовных дел экстремистской направленности / В.А. Саморока // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7. С. 205-208.

32. Самсонова А.О. Этнический экстремизм как угроза национальной безопасности: психологический анализ // Вестник Российской нации. 2014. № 2. С. 227–238.

33. Секераж Т.Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме // Психология и право. 2011. № 2. С. 55–65.

34. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / под ред. М.В. Горбаневского. М.: Престиж, 2005. 264 с.

35. Султанов А.Р. Защита прав, свобод и законных интересов граждан при рассмотрении дел о признании информационных материалов экстремистскими // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 1. С. 26–32.

36. Султанов А.Р. Признание экстремистским материалом смыслового перевода Корана и вопросы должной правовой процедуры // Адвокат. 2013. № 11. С. 5-13.

37. Султанов А.Р. Юридическая природа дел о признании информационных материалов экстремистскими с точки зрения гражданского процесса [Электронный ресурс] // Адвокат. 2012. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

38. Трунов И.Л. Правовые основы возмещения вреда, причиненного экстремистской деятельностью [Электронный ресурс] / И.Л. Трунов, Л.К.

Айвар. — Режим доступа: http://www.trunov.com/content.php?act=showcont&id=4255.

39. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 28 июня 2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

40. Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://minjust.ru/ru/ extremist-materials.

41. Шумилин С.В. Цели уголовно-процессуальной деятельности следователя: понятие и законодательное закрепление / С.В. Шумилин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2013. № 9. С. 218-230.

42. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. М.: Галерея, 2001. 183 с.

43. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство: (науч.-практ. изд.) / С.А. Кузнецов, С.М. Оленников. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. дом В. Ема, 2014. 312 с.

44. Эпштейн А. Полиция мыслей: власть, эксперты и борьба с экстремизмом в современной России / А. Эпштейн, О. Васильев. М.: Гилея, 2011. 175 с.

45. Bowman-Grieve L. A psychological perspective on virtual communities supporting terrorist & extremist ideologies as a tool for recruitment [Electronic resource] / Lorraine Bowman-Grieve // Security Informatics. 2013. March, 23. — Mode of access: http://www.readcube.com/articles/10.1186%2F2190-8532-2-9.

46. Chakraborti N. Re-Thinking Hate Crime: Fresh Challenges for Policy and Practice / N. Chakraborti // Journal of Interpersonal Violence. — 2014. — Sept. — P. 1–17.

47. Chen H. Studying Global Extremist Organizations' Internet Presence Using the Dark Web Attribute System / Hsinchun Chen, Jialun Qin, Edna Reid, Yilu Zhou // Terrorism Informatics. Integrated Series In Information Systems. — 2008. — Vol. 18. — P. 237–266.

48. Essen E. von. Deconstructing the Poaching Phenomenon: A Review of Typologies for Understanding Illegal Hunting / Erica von Essen, Hans Peter Hansen, Helena Nordström Källström, M. Nils Peterson, Tarla Rai Peterson // British Journal of Criminology. — 2014. — Vol. 54 (4). — P. 632–651.

49. Fernbach P. Political Extremism Is Supported by an Illusion of Understanding / P. Fernbach, T. Rogers, R. Craig // Psychological Science. 2013. Vol. 24. P. 939-946.

50. Giannone D. The political and ideological dimension of the easurement of freedom of information. Assessing the interplay between neoliberalism and the Freedom of the Press Index / D. Giannone // International Communication Gazette. — 2014. — Vol. 76. — P. 505–527.

51. Hamm M.S. Prison Islam in the Age of Sacred Terror / Mark S. Hamm // British Journal of Criminology. – 2009. — Vol. 49 (5). — P. 667–685.

52. Hayward C. What Can Political Freedom Mean in a Multicultural Democracy? On Deliberation, Difference, and Democratic Governance Political / C. Hayward // Theory. — 2011. — Vol. 39. — P. 468–497.

53. Hogg M. From Uncertainty to Extremism: Social Categorization and Identity Processes / M. Hogg // Current Directions in Psychological Science. — 2014. — Vol. 23. — P. 338–342.

54. Koenig T. «Hate Torts» to Fight Hate Crimes Punishing the Organizational Roots of Evil / T. Koenig, M. Rustad // American Behavioral Scientist. — 2007. — Vol. 51. — P. 302–318.

55. Koopmans R. Rechtsextremismus und Fremdenfeindlichkeit in Deutschland: ein Problem von heute, Lösungen von gestern / R. Koopmans // Rechtsextremismus und Fremdenfeindlichkeit in Deutschland: Probleme von heute — Diagnosen von gestern. — 2001. — Dez. — Nr. 4. — S. 12–22.

56. Millings M. Policing British Asian Identities: The Enduring Role of the Police in Young British Asian Men's Situated Negotiation of Identity and Belonging / Matthew Millings // British Journal of Criminology. – 2013. – 53 (6). – P. 1075–1092.

57. Political Extremism. Four-Volume Set. L.: SAGE Publications Ltd, 2014. 1576 p.

58. Prentice S. Analyzing the semantic content and persuasive composition of extremist media: A case study of texts produced during the Gaza conflict / S. Prentice, P.J. Taylor, P. Rayson, A. Hoskins, B. O`Loughlin // Information Systems Frontiers. 2011. March. Vol. 13, Iss. 1. P. 61–73.

59. Thompson S. Freedom of expression and hatred of religion / S. Thompson // Ethnicities. 2012. Vol. 12. P. 215-232.

60. Voorhoof D. Freedom of Expression and Information in a Democratic Society: The Added but Fragile Value of the European Convention on Human Rights / D. Voorhoof, H. Cannie // International Communication Gazette. 2010. Vol. 72. P. 407-423.

61. Zhou Y. Exploring the Dark Side of the Web: Collection and Analysis of U.S. Extremist Online Forums / Yuli Zhou, Jialun Qin, Guanpi Lai, Edna Reid, Hsinchun Chen // Intelligence and Security Informatics. 2006. Vol. 3975. P. 621–626.